

УДК 316.354:355.1

Дискурсы войны и насилия в социокультурных образах историцизма и интеллектуализма

Корнилов П.А.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного, муниципального
управления и социологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

В статье исследовано дискурсивное единство ментальных феноменов войны и насилия в обществе. Рассмотрены образы Второй мировой войны в современных дискурсах интеллектуализма и историцизма. Проведен социоментальный анализ дискурсивных моделей войны и насилия прошлого и настоящего. Проанализирована трансформация дискурса войны и насилия в социокультурных, интеллектуальных и исторических образах.

Ключевые слова: дискурс войны и насилия, образ военного конфликта, социокультурный образ.

В дискурсивно-диалектическом плане можно сказать, что война – это насилие, а насилие – это война. Общность – в сути, разница – в масштабах и формах, а также в определениях и интерпретациях. Массированное насилие войны состоит из множества частных насильственных актов, но не сводится только к их сумме. Убийство и нанесение увечий, а также разрушение и уничтожение материальных ценностей в мирное время – это «преступление», в период же войны со стороны своих – «героизм и подвиг», а со стороны противника, чужих – «военные преступления и чудовищная жестокость». Однако содержание подобной деятельности независимо от ее определения и освещения с разных ракурсов заключено в деструктивном действии.

Ядерное оружие привело к предотвращению новых мировых войн, но зато локальные и малые конфликты практически полностью заменяют крупные военные столкновения. На эти тенденции указывают многие специалисты по военной социологии. В.В. Серебрянников отмечает, что «уменьшение вероятности нового глобального конфликта и факт "дробления" войны, связанный с резким возрастанием ее разрушительности и истребительности, стремлением избежать ужасающих последствий большой войны – налицо. Средние и малые войны в совокупности как бы заменяют большую войну, растягивая во времени и пространстве ее тяжкие по-

следствия. За 50 лет после Второй мировой войны в средних (25-30) и малых (более 400) войнах, которые охватили не меньше стран, чем было в большой войне, погибло свыше 40 млн. человек, более 30 млн. оказались беженцами, что сопоставимо с жертвами и бедствиями мировых войн» [1, с. 8].

Однако и глобальные столкновения исчезли не совсем, скорее они просто приняли иные формы. Многие считают третьей мировой – «холодную войну» между СССР и США, которая, с одной стороны, была символической, а с другой – выливалась и в более «горячие формы» в многочисленных локальных военных конфликтах на периферии двух систем. В настоящее время все больше говорят о новой мировой войне с террористическим интернационалом.

Итак, военное насилие, которое ликвидируется в одних областях и в одной форме, сразу перемещается в другие сферы и принимает другие виды. Получается, что, сколько ни пытаются запретить и ограничить войны, ничего не помогает. Людей гибнет все больше, и жесточенность боевых (и не только) действий постоянно возрастает, даже т.н. «оружие сдерживания» проблемы не решает. Данная ситуация привела к тому, что в социальных науках вопрос войны фактически отнесли к нерешаемым.

Лоуренс Лешан указывает на интересный факт: «Поразительна разница во времени и энергии, потраченными учеными-социологами за последние

50 лет на поиск ключа к пониманию и уменьшению агрессии внутри молодежных групп и между нациями. Такой контраст является поучительным, особенно если учесть тот момент, что у наций есть ядерное оружие, а у подростковых банд его нет. Мы вынуждены заключить, что в этих теориях существует неозвученное предположение, что агрессия свойственна большим группам, а не маленьким. Такое предположение не представляется логичным» [2, с. 17]. Подобное положение дел еще указывает на то, что существует четкое разделение в понимании войны и насилия. К войнам относят лишь некоторые виды насилия, совершаемые большими социальными группами.

Общепринятая точка зрения заключается в том, что война – это когда с обеих сторон участвуют армии, вооруженные силы. Вопрос только в том, что считать армейскими формированиями. Почему хорошо организованная и вооруженная банда или полукриминальная группа подростков, которая имеет свое командование и жесткую дисциплину, армией не является? Или все-таки является? По крайней мере, разборки между собой они называют не иначе, как «войной».

В годы перестройки развал советской армии оставил многих военнослужащих без средств к существованию. Часть из них, как известно, влилась в преступные группировки. Были и такие банды, которые целиком состояли из бывших военных. Выходцев из вооруженных сил охотно брали, да и они сами неплохо себя чувствовали в таких организациях. Дело тут даже не в их профессиональной подготовке, но и в схожести образов. Устройство преступных группировок, их иерархия, строгая дисциплина, стресс, вооруженное противостояние и т.д. В общем, очень многое бывшим военным напоминало армейское существование. Те же из них, кто имел опыт военных действий, порой просто не понимали, какая разница кого и где убивать.

В бандитской жизни ветераны локальных конфликтов чувствовали себя вполне комфортно по аналогии как на войне. Обычно они не видели разницы между криминальными разборками и вооруженной борьбой в обычном военном противостоянии. В современных российских тюрьмах образовались целые когорты заключенных, которые вернулись с чеченской войны, а также из зон других локальных военных конфликтов и совершили преступления, часто тяжкие, уже в мирной жизни.

Подобные социальные феномены показывают, что война и насилие – вещи взаимосвязанные, которые в символическом сознании людей сходятся и накладываются одно на другое. Поэтому в настоящее время можно наблюдать рост насилия в странах сравнительно благополучных, которые давно уже ни с кем серьезно не воюют. Зато у мирного и благополучного населения появляются странные всплески,

казалось бы, бессмысленного насилия. Создается полное впечатление, что все они, что называется «сбесились с жиру». Все более настоящие войны начинают напоминать многочисленные схватки, которые ведут футбольные фанаты с полицией и друг с другом.

В благополучной, сытой и скучной Англии подростки придумали «веселую игру» избивать прохожих и снимать свои похождения на видео и т.п. Кстати, все чаще акты насилия совершаются не просто так, а как действие по созданию своеобразного информационного продукта. Все старательно фиксируется на современные электронные носители и начинает циркулировать по информационным сетям. Насилие должно быть не просто совершено, но и засимволизировано. Насильственный акт становится и физическим, и символическим одновременно, создавая особую мифологию и специфическое пространство виртуального насилия.

Известный французский философ и публицист Андре Глюксманн так поэтически охарактеризовал подобные тенденции: «Воскрешать мертвых, хоть на видеокартинке, чтобы казнить их снова, – этот позыв по ту сторону войны, продолжающий ее в бесконечность за пределами жизни, – вот ненависть в чистом виде. Освобождение дороги смертоубийственному *hybris* означает начало античной трагедии, вызывает чуму и задает программу ада на Земле. Традиционная война, какой бы дикой ни была, имеет свой конец. Зато война террористическая, предоставленная безграничному буйству, не знает перемирия. Она заменяет демонстрацию силы демонстрацией ненависти, которая, питаясь собственными губительными последствиями, становится неугасимой» [3, с. 30]. Война и насилие в современном мире не только не исчезают и продолжают, но еще делятся, размножаются и меняются местами и образами. Они в большей степени становятся символическими, чем реальными. Нелегко иногда определить, какое военно-насильственное действие важнее: то, что идет на поле боя, или то, что протекает в символическом пространстве.

Все это указывает нам на то, что война и насилие постоянно эволюционируют, трансформируются, меняют свою конфигурацию. Таким образом, борьба с войной напоминает борьбу с вирусом гриппа, который никак не удается уничтожить, потому что он постоянно мутирует. С одной стороны, это тревожный сигнал, который говорит, что окончательная победа над войной на сегодняшнем этапе для человечества невозможна. Но с другой стороны, если поставить цель несколько иначе, то мы – люди – вполне можем взять вверх над войной и насилием. Что это значит? Это значит, что на нынешнем этапе неправильно ставить задачу начисто искоренить войну и насилие как явление в человеческой жизни. Лучше отложить идею всеобщего упразднения во-

йны в мире до тех пор, пока все люди не станут достаточно совершенными для такого достижения.

Война и насилие выполняют важную функцию регулирования человеческих энергосимволических процессов. В военных и насильственных актах люди сбрасывают излишнюю энергетику, получают символические компенсации, удовлетворяют свои потребности. Надо поставить цель несколько другую, видоизмененную, а именно – найти для войны и насилия такие социально-приемлемые формы выражения и реализации, чтобы они полностью исчерпали весь их деструктивный энергосимволический потенциал.

В современном социогуманитарном знании все чаще звучит идея о том, что феномен войны и насилия в человеческом бытии нельзя свести только к конкретным причинам частного характера. Выдвигаются предположения о существовании неких универсальных механизмов, которые незримо определяют протекание насильственных процессов в социальной жизни. Философ А. Глюксманн в этом плане отмечает: «Повседневными толками руководит желание думать, что страница уже прочитана и перевернута. Разве мы не сдали проявления коллективной ненависти в книги по истории, разве не доверили индивидуальную злобу заботам добрых психологов? Никого уже не волнуют предупреждения, которыми гремят созревшие семена современности, новейшая эйфория "идет дальше" и усердно спешит, так сказать, искусно уличить эти улики. Все объясняется, понимается, упрощается. Педофил – жертва трудного детства, убийца старушек ссылается на острую нужду в деньгах, насильники с окраин – порождение высокого уровня безработицы, а коллективные изнасилования в подвалах, где пятнадцатилетние девушки регулярно подвергаются поруганию, свидетельствует о значительной нехватке групп социальной поддержки» [3, с. 10-11].

Различные проявления человеческой агрессии, войны и насилия А. Глюксманн связывает с определяющей их единой категорией «ненависти», как универсальной компоненте человеческих отношений, имеющей самостоятельное звучание и существование, безотносительно конкретных причин возникновения отдельных насильственных форм. «Утверждение благомыслящего большинства: Ненависти с большой буквы не существует. Тот, кто тычет в нее пальцем, увиливает от настоящих проблем. Тот, кто думает, что "чувствует" ее и за нее мстит, – в плену обмана зрения. Испытываемую и выказываемую им ненависть следует свести к внешним и предшествующим ей причинам: несчастьям, неудачам, нищете, фрустрациям, унижениям и оскорблениям. Так мыслят диафуарусы, врачующие человеческие души. Ненависть – лишь гнилой плод недостатка воспитания. Воспитания, сияющего уничтожить то, чего и так нет. Всеобщее прощение, единоклассные объятия» [3, с. 11].

Таким образом, согласно А. Глюксманну, ненависть существует сама по себе и порождает многочисленные виды и формы человеческого насилия. «Утверждение, отстаиваемое здесь: ненависть существует, мы все встречали ее. На микроскопическом уровне индивидов и в сердце гигантских сообществ. Страсть нападать и уничтожать не изгоняется словесным колдовством. Причины, приписываемые ей, – не более чем благоприятные обстоятельства, просто удобные случаи, – в них не бывает недостатка, – чтобы дать волю разрушению ради разрушения» [3, с. 11-12]. В общем-то, в философском анализе возможно многое, даже «оживление» ненависти и придание ей самостоятельной сущности.

Однако насколько подобные подходы обоснованы с позиций эмпирической науки?! Можно ли признать факт того, что есть нечто объединяющее все виды и формы насилия? Фактически, многие мыслители, которые занимаются данными вопросами, приходят к тому, что все агрессивные и насильственные проявления человеческого мира относят к чему-то более целостному и комплексному, универсально-единому, вокруг них словно очерчивается общий контур, схлопывающий их в одну сферу-процесс. Поэтому разными путями из смежных областей социогуманитарного знания исследователи приходят к одному и тому же выводу о существовании некоего изначального многогранно-целостного образа, гештальта насилия. Этот полный цикл насилия носит больше ментальный характер, он способен распадаться на множество частей и стадий, что ведет к трансформации насильственных явлений и перераспределению энергосимволических ресурсов, с ними связанных.

Дискурсы военного и бытового насилия тесно переплетаются в символическом пространстве мифологического мышления. В книге исторического переосмысления военных символов с характерным названием «Война» представлена наглядная карикатура, на которой изображен здоровенный детина в телогрейке, ушанке с красной звездой, хватаящий за юбки сразу двух убегающих от него женщин, а кому-то из дам все-таки удается уползти от него на четвереньках [4, с. 46]. Все это очень напоминает стереотипное изображение русской угрозы в голливудских фильмах времен «холодной войны». Текст соответствующий: «По подсчетам германских исследователей, до 2 млн. немецких женщин и девушек были изнасилованы советскими солдатами с начала боев в Восточной Пруссии до осени 1945 года, причем 500 тыс. из них – на территории советской зоны оккупации, то есть будущей ГДР. Не отставали от советских и польские, чехословацкие, югославские солдаты» [4, с. 47]. Все как на подбор представители стран соцлагеря.

В современной социально-политической реальности никто не занят поиском исторической правды, просто конструируется тот образ войны, который вы-

годен, а все, что под него не встраивается, элементарно игнорируется. Как можно упрекать в системном садизме советскую сторону, которая больше всех остальных союзников боролась с проявлениями насилия в отношении гражданского населения, причем именно на системной основе?! Чтобы убедиться в этом, достаточно просто взглянуть на советские военные документы, приказы по войскам, отчеты военных прокуроров. Факты насилия там никогда не скрывались, как и меры борьбы с ними. Теперь самые страшные из них берутся некоторыми историками для подтверждения мифов, а о систематических мерах по преодолению эксцессов забывается.

Вот какие данные приводит в своей книге А. Васильченко: «Наряду с разъяснительной и воспитательной работой принимались жесткие карательные меры. Как свидетельствуют данные Военной прокуратуры, в первые месяцы 1945 года за совершенные бесчинства по отношению к местному населению было осуждено военными трибуналами 4148 офицеров. Несколько показательных судебных процессов над военными завершили вынесением смертных приговоров виновным. Хотелось бы еще раз обратить внимание на цифру – 4148 офицеров! И это в тех условиях, когда французы вообще отказывались признаться в зверствах, творимых туземными частями, а американцы за период с 1942 по 1947 год приговорили к смерти за насилие над гражданским населением всего лишь четырех человек» [5, с. 387]. В результате предпринятых мер насилие против мирного населения в частях Советской армии удалось обуздать, ни о какой его системности не может быть и речи, отдельные случаи носили исключительно частный характер. Кроме того, отмечено, что многочисленные случаи насилия, которые творили сами немецкие и итальянские репатрианты, просто списывались на советских солдат.

Эрих Фромм написал блестящую работу «Анатомия человеческой деструктивности», в которой с позиций психоанализа глубоко прорабатывает проблемы войны и насилия [6]. Когда он касается феномена нацистского насилия, то оно у него рассматривается через призму садизма, но опять-таки всего двух людей «Генриха Гимmlера, клинический случай анально-накопительного садизма» и «Адольфа Гитлера – клинического случая некрофилии». Что же получается, источником всех преступлений нацизма являются садистские наклонности этих двух человек? А все остальные как бы и ни при чем, не повезло им родиться в одно время с ними и оказаться под их руководством? Не слишком ли это все просто?! А некоторые исследователи и у них садизма-то никакого не находят, ведь они только руководили, сами не убивали и не мучили.

В общем-то, наличие садизма как такового у нацистов не отрицается, но он как бы был таким, в терминах Э. Фромма «несексуальным». Получает-

ся, что у фашистов была рациональная организация, тоталитарное общество с «несексуальным садизмом», а воевали с ними насильники и садисты, не способные контролировать свои инстинкты. Да и то, согласно тому же Э. Фромму, этот странный вид садизма был присущ, в основном, Гитлеру да Гимmlеру. Все же остальные были только ими очарованы, почти загипнотизированы и слепо подчинялись.

С таким подходом нельзя согласиться, Гитлер, Гимmlер и другие руководители третьего рейха не были наследными принцами, власть они завоевали в политической борьбе и при поддержке народных масс. И симпатии эти во многом были ответом на сформулированный ими в доктрине нацизма каннибалистский и садистский дискурс. Нацисты были осуждены за сознательное осуществление доктрины, результатом которой были военные преступления и преступления против человечности.

Все, кто начинает заниматься их рассмотрением, рано или поздно неизбежно переходят на каннибалистский язык с соответствующими образами и категориями, тем самым вольно или невольно исследователи обнаруживают подлинную ментальную сущность нацизма. Так, Гвиддо Кнопп начинает свою книгу «Холокост» с главы «Охота на людей»: «Вначале была охота на людей. В то время когда гитлеровский герольд Геббельс тщился выдать нападение на империю Сталина утром 22 июня 1941 г. за превентивную меру, дивизии вермахта уже за первые несколько дней проникли глубоко на территорию Советского Союза. За ними тенью следовали так называемые "айнзатцгруппы": 3000 мужчин, которые исполняли свое смертельное ремесло на территории, занятой немецкими войсками. Их первой целью было полное истребление "еврейско-большевистской" интеллигенции» [7, с. 8]. Каннибалистичность данного образа не нуждается в излишних комментариях. Гитлеровская пропаганда четко обозначила, кто является «чужими», несет собой угрозу и кого надо «пожирать».

Подобно древним людоедам нацисты охотились на людей с целью их символического съедения, но при этом самого реального уничтожения. Только охота эта проходила не в девственных первобытных лесах, а в джунглях вполне современной индустриальной цивилизации и урбанистической культуры. Охота происходила не посредством дубин, луков и стрел, а с помощью специально созданной системы перемалывания и потребления человеческого материала. «Для Гитлера это была война его мечты, война на уничтожение ради "жизненного пространства на востоке", плод его бредовой идеи о великом немецком рейхе от Атлантики до Урала. Местное население должно быть изгнано, рассеяно, "обескровлено в расовом смысле", "утилизированом" – таким был словарный запас генерального плана "Ост", разработанного Гимmlером. И слова эти означали

смерть» [7, с. 9]. Данные термины прямо или косвенно отсылают нас к каннибалистскому словарю. Каннибализм тут проглядывает по всем параметрам и в языке, и в действиях. Другое дело, что это – каннибализм не реликтовый, который просыпается у современных маньяков-людоедов, а системный и символический, присущий новейшему времени.

Подобная ситуация требует дальнейшего еще более пристального и глубокого изучения взаимосвязи войны и насилия в дискурсивном и символическом пространствах. Новые исследования потребуют разработки новых методологических концепций и методических процедур, а также расширения понятийного аппарата и предметного поля познания. Поэтому уже сейчас надо стараться создать мощную фундаментальную основу для дальнейшего более углубленного и масштабного изучения.

Литература:

1. Серебрянников В.В. Социология войны. – М.: «Ось-89», 1998. – 320 с.
2. Лешан Л. Если завтра война? Психология войны. – М.: Астрель, АСТ, 2004. – 142 с.
3. Глюксманн А. Философия ненависти / Пер. с фр. А. Демина. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2006. – 285 с.
4. Темиров Ю.Т., Донец А.С. Война. – М.: Эксмо, Скиф, 2005. – 320 с.
5. Васильченко А. Секс в Третьем рейхе. – М.: Яуза, 2005. – 416 с.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. Э.М. Телятникова, Т.В. Панфилова; худ. обл. М.В. Драко. – Мн.: ООО «Попурр» 1999. – 624 с.
7. Кноп Г. Холокост. Неизвестные страницы истории. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2007. – 336 с.

Discourses of War and Violence in Socio-Cultural Images of Historicism and Intellectualism

P.A. Kornilov

Kazan National Research Technological University

The paper analyzes discourse unity of mental phenomena of war and violence. The author studies the images of Second World War in modern discourses of historicism and intellectualism, carries out socio-mental analysis of discursive models of war and violence in the past and present, and studies the transformation of war and violence discourse in socio-cultural, intellectual and historical images.

Key words: war and violence discourse, the image of war conflict, socio-cultural image.

